

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

В общем, всё началось ещё в нижнем палеолите. В нижнем, понимаешь? С верхним палеолитом всё понятно. Люди подворовались, у них были религии, войны, литература, секс, страхование жизни и рыночная экономика. Вся эта лабуда, которая помогает не думать о смерти. Но я говорю сейчас о нижнем палеолите. То есть, например, это было два миллиона лет назад. Два миллиона, сечёшь? И вот эти люди, они как бы ещё и не были людьми по большому счёту. У них только вчера перестали расти хвосты. И они не умели разговаривать, понимаешь? Речи у них не было. Совсем никакой. Ну, наверное, были какие-то гыканья, вопли или посвисты. Но второй сигнальной системы, чтобы символическое бытие, знак и означаемое, — вот этого всего не было. Знак, конечно, был, но нечётко связанный с означаемым. Всё зависело от контекста. Например, такая бесхвостая обезьяна говорила «гык!», и это значило: «вон олень идёт к водопою, давайте его убьём и съедим». А в другой

ситуации ровно такой же «гык!» нужно было переводить как «мне грустно, потр@хайтесь со мной кто-нибудь». Разве это речь? Нет, человеческая речь состоит из слов, которые тоже, конечно, понимаются из контекста, но в более узких пределах. Например, слово «бык» может указывать на крупное рогатое животное. А может на качка в татуировках. Ещё так называют биржевого брокера, который играет на падении акций. Или на росте. В общем, там, на бирже, есть быки и медведи. Но это не животные, а брокеры. Вот и всё. Ты не назовёшь быком, скажем, сахарницу. Или, когда у тебя болит живот, ты не назовёшь это состояние словом «бык». Как-то не в тему. То есть контекст, конечно, рулит. Но не абсолютно. Где-то в верхнем палеолите так устроилось. А в нижнем не было ничего. Ни речи, ни мышления. Но уже была индустрия. Сначала она называлась олдувайская, а потом ашёльская. Ну, как индустрия... Это, в общем, про камни. Ведь «палеолит» значит «каменный век». Люди тогда жили в камнях. И нижний, понятно, позорный значит. Хотя иногда говорят «ранний», чтобы не обижать. Эти древние ещё-не-люди делали из камней разные орудия. Чопперы, рубила, нуклеусы, бифасы, кливеры. Я смотрел много картинок

и, честно говоря, не понял, чем они друг от друга отличаются. Но учёные знают. Получают под это гранты и защищают диссертации. Поэтому пусть будут кливеры. И вот находят археологи стоянки древнего человека, будем всё-таки называть его человеком, хотя он не человек ещё, а так, заготовка. И на этих стоянках множество каменных орудий и иногда кости животных, а если совсем повезёт, то и зуб древнего человека, которого называют архантропом, а потом палеоантропом. Или наоборот. Всё вроде бы хорошо. Вот орудия — значит, стоянка человека, потому что рядом зуб. И вот зуб — зуб человека, потому что рядом орудия. Всё сходится. Копали, копали. А однажды вдруг призадумались: почему этих каменных орудий на стоянках так много? Это теперь так и называется в антропологии: проблема избыточности каменных орудий ашёльской индустрии. Сотнями и тысячами архантропы делали свои нуклеусы и кливеры. Делали и тут же бросали. Кололи новые и новые. А использовали по назначению редкие экземпляры. Например, чтобы заострить деревянную палку. Потому что охотились с деревянной палкой. Хотя каменные орудия выделявали тысячами. Часами и сутками всем племенем сидели и долбили в камни. Какого

х&ра? Может, это у них культ такой был? Или учились? Или делали запасы на будущее, когда, например, камни вдруг кончатся? А потом один мозгоправ приехал на раскопки и поставил архантропам диагноз: обсессивно-компульсивное расстройство, ОКР. Они долбили камни, потому что им было страшно. Они обделывались от страха, потому и долбили. Тревожность. Жизнь архантропа была очень-очень страшной. Им все постоянно питались. Это сегодня учёные говорят, что человек был успешный коллективный охотник, мамонтов истребил, шерстистых носорогов. Он, может, и был охотник, только в верхнем палеолите. А в нижнем палеолите он тоже, конечно, в охоте участвовал, да только охотились на него, а не он. А он постоянно сидел, обделавшись от страха, и боялся каждого шороха. Были тогда пещерные гиены, они были здоровенные, в четыре раза крупнее нынешних. Они приходили и ели людей всякий раз, когда им этого хотелось. Львы, леопарды, медведи, волки какие-нибудь. Саблезубые тигры. Чуть ли не каждого архантропа рано или поздно кто-нибудь съедал. Вот он сидел и боялся. Но не только в этом дело. А в том, что эта несчастная обезьяна вкусила яблок в саду познания у Бога, или как там его звать,

и отныне узнала, что есть смерть. То есть она реально понимала, что смертна. Конечно. Это ох&реть как страшно на самом деле. Сегодня или завтра меня обязательно кто-нибудь сожрёт. А даже если и не сожрёт, то только потому, что не успеет, — я сам умру раньше. От болезни или производственной травмы. Смерть. Страх. Тревожность. Обезьяны испытывали тревожность. И вот у них возник этот ритуал: долбить камни. Снимать тревожность. С помощью чего? С помощью компульсивных действий. Когда-то кому-то этот камень действительно помог. Он и сейчас может быть полезен, палку там заострить, например. Но главное, что, пока долбишь камень, навязчивая тревога как бы отступает. Как бы немного легче. Как бы вывозишь. Это не терапия, это болезнь. Но что поделать? Сейчас такое снимают салофтом, а тогда салофта не было. Труд создал человека? Какой нах&р труд? Это был бессмысленный компульсивный ритуал, болезненное повторение монотонных операций, а орудия труда появлялись как побочный эффект. Потом, конечно, мустьерская эпоха наступила, когда каменные орудия стали разнообразнее. Но то было не целенаправленное изобретательство, а опять же компульсии, лишь более изощрён-

ные. Ну и теснее связанные с продуктом всё же. И только в верхнем палеолите человек как бы вылечился и стал осознанно там трудиться, изобретать всякие гаджеты и всё такое. Вылечился? Ха-ха-ха. Посмотри на него, как он вылечился. Он больной на всю голову ублюдок. Это я тебе ещё про аутизм не рассказал, про аутизм в следующий раз поговорим.

В течение одних суток температура воздуха поднялась от минус двадцати двух до плюс четырёх градусов по Цельсию. Гипертоникам лучше сразу лечь и умереть. Полунеубранный снег грязными джомолунгмами лежит по обочинам улиц, тает и превращается в серую жидкую кашу под ногами. Невывозимый мусор на помойках начинает пахнуть как весной. Это Петербург. Я в нём живу. Люди приезжают в Петербург, потому что до них кто-то уже приехал в это гиблое место. Люди живут в Петербурге потому, что миллионы других людей тоже живут в Петербурге и по той же самой причине. Просто люди всегда собираются в стаи, иногда в самой неудобной локации, потому что следуют за каким-то дебилом, а дебилы наиболее харизматичны. Однажды биологи поставили эксперимент. Они вырезали у рыбки кусок

мозга, так, чтобы она стала идиоткой, но без тени сомнений и страха. И отпустили её в стаю. Идиотка быстро стала лидером: она уверенно поворачивала в самом непредсказуемом направлении, и стайка рыб послушно поворачивала вместе с нею. Есть такая модная молодёжная программа. Там изначально тупым юношам и девушкам дополнительно секвестрируют лишние доли мозга, а потом отпускают в жизнь, чтобы они типа стали лидерами. Но они никем не становятся. Почему? Что могло пойти не так? Х&P знает, но, кажется, дело в том, что у нынешних лидеров есть свои дочери и сыновья и они ставят их вождями на подконтрольной территории. Но с Петербургом всё работает именно так. Никто не любит этот город. И никто не может уехать. Потому что все остальные ведь здесь живут. И куда ехать? Не в Старую же Руссу, где воздух чище, климат мягче, квартиры в четыре раза дешевле, курорт с минеральной водой и дом-музей Достоевского? Это глупо. Мы все здесь умрём. Есть, конечно, надежда на большую войну. Президенты России и США ходят вокруг да около, мнутя, мол, не хотим мы воевать, не хотим мы воевать. Да задолбали. Воюйте уже! Людей стало слишком много, особенно молодых татуированных мужчин. Надо отправить их на

войну, пусть там сдохнут. Или хотя бы, что ли, комета прилетела бы прямо в Землю. Но война лучше. Надёжнее.

Что хорошего могу сказать про игланил? Много хорошего могу сказать. Прекрасный, прекрасный нейролептик! Навязчивые мысли и состояния он блокирует. А маленькие радости жизни, наоборот, увеличивает и обостряет. Например, ешь ты суп. Обыкновенный вроде суп. Но только не под игланилом! Под игланилом он брызжет во рту фонтанами вкусов, расцветает на языке сказочными цветами! Или мастурбируешь. Тоже приятно. Жизнь становится красочной, и даже сны цветными. Однако он повышает уровень сахара. Если ты, например, диабетик и обычно натошак сахар у тебя $6 \pm 0,5$ ммоль, то с игланилом он быстро подскакивает до 12. А это значит ранняя слепота, нейропатия, диабетическая стопа и гангрена. Если ты диабетик, то умрёшь ты, скорее всего, от гангрены. Спасти тебя может только гипертония. Потому что если ты ещё и гипертоник, то с большой долей вероятности ты не умрёшь от гангрены, потому что не успеешь, потому что раньше умрёшь от инфаркта либо инсульта или тромб оторвётся. Когда ты под игланилом, то в любой ситуации

можешь находить свои плюсы. Но вот камигста — она проще. Под камигстой ты просто спишь. Если не надо никуда идти и никто не будит настойчиво, то ты спишь 16 часов в сутки. Это решает многие проблемы. Потому что у тебя остаётся всего 8 часов, чтобы принять душ и дважды покушать суп, особенно вкусный, если ты вдобавок под игланилом, и опять лечь спать. Ты даже не успеваешь сильно расстроиться по поводу обстоятельств своего депрессивного эпизода. А спать хорошо. Мир во сне такой прекрасный. И никакой тревоги. Я раньше, ещё до депрессии, будучи простым маглom, или надо придумать другое обидное слово для людей, которые считают себя психически здоровыми и не проходят никакой терапии, когда спал, сны всегда видел тревожные. Такая была всегда тревога, как у архантропа. Да не как, а это та самая тревога и есть, которая живёт в архантропном отделе мозга. И ночью я её чувствовал. Но здесь я должен рассказать про мозг, чтобы было понятно. В общем, мозг. Эволюция. Наш мозг развивался как? Слоями. Он как пирожное. В общем, никогда никакой новый мозг нигде не возникал, а главное, старый мозг никуда не девался. Всегда только новый слой ложился на старое основание. Есть наш древний реп-

тильный мозг, это который называется продолговатый. Он нам остался от рептилий. Им мы смотрим порно. Когда мы смотрим порно, то всё происходит в этом мозгу. Потому что он слабо так понимает абстракции, и что всё это только кино, и что хотя камера показывает крупным планом, но это не мой половой член, и что актёры всё имитируют, потому что им платят, и всё такое. Не будь у нас рептильного мозга, на Pornhub никто бы не заходил. Но он есть. Потом полушария, там всякие животные полезные функции, а сверху кора, которая тоже слоями, значит, вот слой нижнего палеолита, а вот верхнего. Дальше верхнего палеолита слоёв нет, потому что мозг расти перестал и начал уменьшаться. И вот в нижнем палеолите этот архантропный страх, тревога, включался, когда засыпаешь и сон со сновидениями. Но ещё как бывает: заходишь ты в сон без сновидений, практически в брахман-абсолют, в нирвану! И вдруг такой — а! — дёргаешься и просыпаешься. Потому что ты типа почти свалился с ветки. Потому что там, в доставшемся от обезьян слое мозга, сохранился такой рефлекс. Мы ведь на деревьях спали, но спать приходилось всё время чутко, чтобы не свалиться, а свалишься — там тебя гиена слопаёт. И обезьяны поэтому не

могут в нирвану попасть даже на минуточку. И вот ты спишь такой на кровати и — а! — дёргаешься и просыпаешься. И тебе кажется, что ты только что чуть-чуть не свалился с ветки. Я бы очень хотел поверить, что мы не произошли от обезьян, а нас слепил Бог, или как его там, из говна и палок, но каждый раз, когда я уже почти убедил себя в своём божественном происхождении, я засыпаю и падаю с ветки, в последнюю минуту цепляясь за неё хвостом. Так и этот архантропный страх, который нам тоже остался в наследство. Так вот. Камигста его лечит! Никакой тревоги. Спишь себе и спишь, и всё тебе хорошо, и ничего не хочется, особенно вставать не хочется, пока не захочется поесть, потому что есть ведь тоже хочется, когда ты под игланилом ещё. Вот и получается, что самая удачная пара в мире — игланил и камигста. Но это если ты не диабетик, потому что если диабетик, то можешь умереть от гангрены, хотя если ещё и гипертоник, то всё равно вряд ли от гангрены умрёшь, скорее гиена слопает.

Есть такая древняя книга, называется «Атхарваведа». То есть это веда атхарванов, которые были как бы волшебники, что ли. Ну или колдуны. В общем, тогдашние медики и учё-

ные. Это было всё в древней Индии, когда там жили древние арии. У них ещё три веды были: «Риг», «Сама» и «Яджур». А «Атхарва», значит, четвёртая. И в этой четвёртой веле множество рецептов, то есть заговоров и заклятий на все случаи жизни. Для победы над врагом в бою. Для того чтобы девушка тебя полюбила. Или, наоборот, на хорошего мужа. На богатство и для потомства. На здоровье тоже и от всяческих болезней: лихорадки, водянки, ковида-19 и всех остальных. Но знаешь, от чего больше всего заговоров? От чего рекордное количество заклятий в древней «Атхарваведе»? Знаешь? Не поверишь! Я сам не поверил. Специально пересчитал. От дурных снов. От кошмаров. Бесит! «Атхарваведу» записали где-то в первом тысячелетии до нашей эры, а может, во втором. То есть это три-четыре тысячи лет назад. Это древние арии. Они ведут трудную жизнь. У них трудная и опасная жизнь, понимаешь? Они живут на фронтире, постоянно сражаются с аборигенами. И друг с другом. Вокруг ещё леса с дикими хищниками. Иногда случаются засуха и голод. Болезней полно, как всегда, а антибиотиков ещё нет, только заговоры из «Атхарваведы есть». Трудная и опасная жизнь довольно-таки ещё древнего человека. И какая проблема за-

ботит его больше всех остальных? Кошмары. Ему, видите ли, сны плохие снятся, и он хочет решить эту проблему. Не, ну правильно. От сна очень сильно зависит качество жизни. Так вот. Древних ариев мучили кошмары. Прямо до слез. До истерики. И они много платили, чего там у них было вместо денег, своим мозгоправам-атхарванам, чтобы они вылечили их сны. А почему кошмары? Потому что архантроп был ещё ближе, чем к нам. Древнему человеку каждую ночь снился Фредди Крюгер. А нам уже пореже. Мы как бы не то чтобы вылечились, но у нас появилось много компенсаторных механизмов. Мы, например, можем посмотреть кино. Это всё равно что сон. Когда мы смотрим кино, мозг думает, что мы смотрим сон. Если только это не порно. Потому что если порно, то там включается продолговатый мозг и начинается совсем другая история. А если, например, триллер, то это сон. И он вполне заменяет нам кошмары, в этом смысл. Мы придумали много фишек, мы хитрые обезьяны. Но арии! Не могу поверить, а так и было. Главной проблемой жизни у них были дурные сны. И у меня тоже были дурные сны. Но теперь у меня есть камигста, и все сны стали добрыми. Лохи, конечно, принимают пиллоксен. Но пиллоксен — это смешно,